

Философские
миниатюры

ПРОСТМОДЕРН

Максим
Горшков

Опыты о теле,
языке, желании
и капитале

18+

Максим Горшков

Простмодерн

<https://litres.ru/74258409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Постмодерн закончился. Но никто не заметил — потому что это оказалось его частью.

Максим Горшков

Простмодерн

Простмодерн. философские миниатюры

Максим Горшков

ЧАСТЬ I

ТЕЛО

• • •

Храп

Вы никогда не думали о том, почему храп и хрюканье неприятны, о том, почему они происходят на вдохе, и о том, почему они обозначаются похожими словами?

Вдох, в отличие от выдоха, — это движение в себя, это изымающее, паразитическое движение, поэтому его звук забирает удовольствие слушающего.

Еще звуки вдоха получаются от его цикличной остановки, а полная остановка вдоха — это смерть, поэтому хрюканье и храп — это звуки смерти, а живым смерть обычно непри-

ятна.

Еще сон и свинья как самое известное хрюкающее животное, символизируют невежество.

Можно сказать, что спящий человек — немного свинья, а свинья — немного спящий человек.

Абракасас

Бегал в парке и понял, что дыхание бегуна, благодаря гипервентиляции, можно рассматривать как психопрактику.

Известно, что на больших дистанциях бегун часто находится в трансе.

Я думаю, что гностики линии Валентина обязательно должны бегать, чтобы быстрее стать пневматиками.

И ещё интересно: насколько быстро может бежать их Абракасас?

Вареники с макаронами

Старый анекдот про студентов:

«— Вась, купи мне поесть.

— У вас пирожки с макаронами имеются?

— Нет.

— Вот видишь, нет твоих любимых».

В кафе заказал овощной вареник, а в нем, помимо прочего, были макароны.

Пирожки, вареники, любое блюдо с начинкой, понятное дело, символизируют человека, и, когда я разрезал вареник тупым ножом, мне казалось, я потрошу гомункулуса. Эдакое мини-людоедство.

Любой творческий акт подобен приготовлению пищи, поскольку представляет собою начинение формы содержанием.

Мы начинаем произведение, по сути, своим мясом; потребитель поедает его и немного становится нами, потому что человек — то, что он ест.

В этом заключается биология влияния творчества на массы.

Наслаждение фантастикой

Лично для меня оно похоже на наслаждение от заброшек.

Когда я долго брожу среди пустой и разрушенной бетонной геометрии, наступает умиротворение и остановка тревоги. Я там немного попадавец и мне все увлекательно.

Это доцивилизационное состояние является «непрерывной инициацией», говоря языком Л. Строса. Я же назову это «перманентной инициацией», «управляемым инициатическим синтезом».

Пространство инициации — это, понятное дело, смерть, и поэтому заброшки и фантастика умЕротворяют.

Фасад

За привычными гладкими стенами, крашеными или мраморными, скрывается грязный бетон. За привычной кожей человека скрывается склизкое мясо, жилы, серая кость.

Правда скрывается за фасадом; она грязная и ужасная. Встретившись с ней, человек отворачивается или старается ее прикрыть. Правда может быть чистой и прекрасной, но для этого человек должен полюбить грязь и ужас, открыть им свои объятия.

Продукты

Говно — это первый продукт человеческой деятельности и символ любой его деятельности в дальнейшем. Встаёт вопрос: почему оно неприятно? Потому что это израсходованный продукт. Можно выделить три стадии жизни продукта: сырьё; готовность к потреблению; отход. Вполне корректна вертикальная модель, где все объекты мира — продукты. Ребенок-сырье приготавливается к общественно полезной жизни и расходуется обществом как более высокой иерархической ступенью. При этом отход может быть одновременно готовым продуктом, но для низшей ступени. Так говно полезно растениям, а старики — внукам.

Взаимопоедание

Взаимодействие всех объектов в мире — это обмен содержимым. Можно назвать это взаимопоеданием. Взаимо-

действие людей — это всегда поедание друг друга. Мы едим ушами слова собеседника, глазами — его внешность, поглощаем эмоции и логику. Если один, условно говоря, съедает избыток организма другого — соскребает старую кожу или выпивает давящий внутренний сок, облегчая его самочувствие, мы называем это позитивным общением. Если высасывает здоровую кровь, отъедает конечности — негативным. Группа, которая поедает другую, рано или поздно становится пропитана ее соками. Возможно, поэтому в западной культуре так популярен рэп.

Об ужасе

Я думаю, что к лакановскому «реальному», от которого нас отделяет язык, можно приблизиться с помощью хайдеггеровского *Angst* — переживания ужаса.

Максимально интенсивным переживанием удовольствия является экстаз.

Ужас — это, в общем, несложный путь к экстазу, и он осуществляется через принятие «ужасного объекта».

Это реализуется в таких практиках ИСС, где принудительное расслабление во время переживания ужаса вызывает специфическую экзальтацию.

«Ужасный объект» воплощается, в том числе, в искусстве и обуславливает существование жанра «ужас».

Ядром ужаса является смерть.

Таким образом, мы получаем связку — ужас, экстаз, смерть.

Притягательность смерти обусловлена связью с экстазом.

Тем не менее смерть, в отличие от ужаса, не может быть практикой экстаза и вообще практикой, потому что практика — это движение, а смерть — остановка.

Это тот случай, когда «желание не может быть удовлетворено».

Основная проблема физики — в недостатке физиологичности

Время, пространство и прочие научные абстракции — это прежде всего феномены психики и поэтому находятся в модальности тела.

Верните в физику боль и наслаждение, и многие вопросы решатся.

И в математику верните и в химию.

ЧАСТЬ II

ЖЕЛАНИЕ

• • •

Сексуальные свободы

Фрейд, и я с ним согласен, утверждает, что прогресс в обществе происходит за счет сублимации сексуальной энергии на уровне больших групп — за счет ее ограничения и перенаправления в общественно полезную работу.

Это утверждение очень хорошо объясняет тот факт, что сексуальные свободы, начавшись, быстро заканчиваются.

Буйство эроса начала двадцатого века в СССР с обобществлением всего на свете, свободной любовью и отноше-

нием к семье как буржуазному пережитку пресек Иосиф Сталин.

В конце XX века после сексуальной революции, прокатившейся по Западу и затронувшей Россию, пришла прогрессивная лево-либеральная повестка.

Если раньше между человеком и его жаждой оргиастического исступления стоял институт репутации и разные санкции (то есть внешнее цензурирование), то теперь — внутренняя цензура с массой неврозов, которые в нужный момент встают в полный рост и рожают страх «поехать в номера» с первым встречным или даже четвёртым, несмотря на то, что этого хочется. Появляется убежденность, что «этому токсично-маскулинному самцу нужен только секс, и это почему-то отвратительно» и т. п.

То есть «Иосиф Сталин» стал интериоризирован и начал формировать желания, а точнее, нежелания под видом личного выбора.

Тем не менее история — это не линейное движение, а колебание, и она пульсирует как поток воздуха человеческого рта, встретивший мундштук медной трубы.

Либидинальная энергия не залегает как полезное ископа-

емое и не течет как река. Чтобы она была пресечена и перенаправлена, она должна быть сгенерирована.

Она появляется на этапе больших сексуальных свобод и затихания внутренних или внешних ограничений, а потом пресекается и усваивается на этапе ограничения.

Выражаясь делезианским языком, машины желаний общественного прогресса срезают накопленную либидинальную энергию машины желаний человеческих масс и преобразуют в прогресс.

То есть научно-технические революции, социальные изменения и пр. происходят за счет масштабного возбуждения и последующего пресечения либидинальной энергии больших групп и ее последующей сублимации.

Именно так появилось колесо, лампочка, компьютер, новые экономические и политические формации.

Назад к психозу (изначальному Адаму)

В лакановской парадигме желательная структура личности является невротической, а нормальный человек, усвоивший культурные нормы, называется «нормальным невротич-

КОМ».

Невроз формирует субъекта. Слияние его с другим заменяется взаимодействием через желание — та самая сепарация с матерью под влиянием отцовской функции.

Но если углубляться в эту тему, психотическая установка кажется более привлекательной. Посудите сами.

Психотический субъект имеет доступ к интенсивному, целостному наслаждению, а тело невротика «расчерчено символическим» и на нем остаются лишь жалкие островки для скудного наслаждения.

Такого и врагу не пожелаешь!

Постоянно тревожащее желание невротика угодить «другому» не является проблемой для психотика, который слит воедино с этим другим, не знает иерархий и имеет паритетное, горизонтальное отношение со всем миром (привет Делзу).

Но!

Психоз, который не дает символической связи с реальным, оставляет нас в воображаемом с его галлюцинаторным

восприятием и трудностью построения социальных связей, то есть делает человека тем самым «психбольным».

И возникает естественный вопрос: можно ли вернуться к психотической установке, оставаясь социальным субъектом?

В известном смысле это стараются проделать пресловутые истеричка и невротик навязчивости.

Первая устраняет субъекта, то есть себя, и живет под лозунгом «возбудим и не дадим» (в данном случае — другому).

Второй же устраняет «другого», старается прибрать «частичный объект» к рукам и превращается, например, в отчаянного онаниста.

Но что, если постараться устранить желание?

Тогда мы получим буддиста.

Изначальный Адам как цель европейских алхимиков — это тоже образ не желающего субъекта, не познавшего добра и зла, то есть не усвоившего символический порядок и находящегося в психотическом блаженстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.